Неисполненный обряд, или неотданный долг /рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 22 января, 2025
Неисполненный обряд, или неотданный долг /рассказ
НЕИСПОЛНЕННЫЙ ОБРЯД, или
НЕОТДАННЫЙ ДОЛГ

Когда плачет мужчина, становится как-то не по себе. Если из немигающих глаз бородатого человека льются слезы, то, во-первых, это выглядит не совсем обычно, а во-вторых, вызывает щемящее чувство даже у тех из окружения, кто отличается выдержкой. Так случилось и с Клычем ага, человеком, достигшим возраста пророка. Мало того, что он сам расстроился, так еще двух своих сверстников – Гулгелди ага и Абая ага расстроил.
– Вы не обижайтесь на меня. Я-то думал, что унесу эту тайну с собой в могилу, но не вышло. Было время, когда я готов был уйти на тот свет, настолько неподъемным оказался легший на мои плечи груз. Несчастья, выпавшие тогда на мою долю, оставили в моем сердце глубокую рану. Мне не верилось, что когда-нибудь найдется сила, которая избавит меня от этой тяжести. Но… времена не выбирают, в них живут и умирают. Мне посчастливилось дожить до другого времени, которое сняло с меня этот груз. Ни о чем я теперь не жалею, для сожаленья нет причин. Вы слышали, наверно, как Сапармурат Сердар провозгласил свободу для совершения любых обрядов, в том числе и предписанного каждому мусульманину обряда под названием суннет – обрезание. Теперь никому не надо таиться, если кто-то хочет сделать своему сыну обрезание, пусть делает, а потом по этому поводу устраивает большой праздник – суннет-той. А ведь из-за этого суннета на моей голове не одна прядь волос лишилась цвета.
Мне тогда было девятнадцать лет, и этот обряд надо было совершить не для кого-то, не для сына моего или брата, а для меня самого. До сих пор об этой моей тайне знала только моя

жена Товшан. А теперь мне хочется всем о ней рассказать, меня распирает радость. Вы оба много тягот вынесли, вы оба уже далеко не юноши. И все равно, я это знаю, мой рассказ может удивить вас. Но это моя боль, я пронес ее через всю свою жизнь, и теперь, поделившись с вами, хочу навсегда избавиться от нее. Надеюсь, после этого моя сердечная рана наконец-то заживет.

«Мы обвиняем вас в кулачестве, потому что вы богаче других». Вынеся такое обвинение, целую семью сослали в далекую Украину. Клычу тогда только шестой год пошел. Осталось позади родное село Акгала, притаившееся у северной кромки Каракумов, впереди их ждала деревушка Хуторок в окрестностях Житомира, окруженная с трех сторон непроходимыми лесами, а с четвертой упирающаяся в заболоченную речушку. Больше тридцати туркменских семей нашли приют в этом Хуторке. Маленькому Клычу запомнилось, как тогда его бабушка Кабегуль, которую не годы — невыносимые лишения согнули в дугу, превратив в древнюю старуху, заплакав, произнесла: «Эх, неужели же нам суждено лечь в чужую землю, чтобы могилки наши затерялись в далеких краях? Даже черные вороны, склевав мой труп, не долетят до родной стороны». Мать Клыча Агагуль тогда попыталась утешить свекровь: «Не плачь, энеси, если ты падешь духом, нам тогда как быть?» (Энеси — свекровь, дословно — бабушка детей) И об этом тоже Клыч помнит всю свою жизнь, будто было это вчера. Отец, правда, держался мужественно. Он только тяжко вздыхал, а потом вставал и уходил. Яростно брался за работу, минуты отдыха себе не давал. «Сад Непеса». Вот такую память оставил он по себе в далеких от родных мест краях. Председатель тамошнего сельсовета, человек с соломенными волосами, которого все называли Пал Палычем, однажды при всех похлопал Непеса по спине со словами: «Молодец, этот человек при жизни воздвиг себе памятник, во-о!» — и поднял вверх свой толстый указательный палец. И это тоже осталось в памяти Клыча. Что это был за сад! Пусть не врут те, кто говорит, что в каких-то краях не приживаются такие-то растения, мол, климат не подходит. Разве отец Клыча не доказал всем обратное? Непес ага привил черенок туркменской яблони к растущей в том краю яблоне, и дерево принесло небывалые плоды,

каждое яблоко было размером с хороший кулак. Делая прививки разным деревьям, отец Клыча вырастил и много других невиданных фруктов. Через пять-шесть лет после ссылки ему разрешили съездить домой, в Туркменистан. Однажды он сказал: «Мне каждую ночь снится родная сторона. Я решил: призову на помощь Бога и съезжу домой». Он так и сделал, поехал один. Вернувшись обратно через полтора месяца, поздней осенью, он привез с собой целый мешок саженцев. «Вот это алыча, а это слива, а вот этот красный черенок – нохурский урюк, а это красный персик…»
Клыч помнит, как тогда удивился их сосед Нурмаммет ага:
– Слушай, ты говоришь, что дорога в один конец занимает пятнадцать дней. Тогда как же тебе удалось довезти саженцы, не дав им засохнуть?
Непес ага подкрутил свои короткие усики, пряча в них улыбку.
– В поезде я всю дорогу только и делал, что мочил тряпки, которые попадались под руку, и оборачивал ими саженцы. Если на станциях поезд стоял подолгу, я начинал искать бочки с водой. Я нес свои кустики и купал их в этих бочках. Как только поезд начинал отходить, я тут же взваливал свой драгоценный мешок на плечи и бегом в вагон. Вот так и довез.
В дороге ни один из кустиков не погиб. И все саженцы, а их было не меньше шестидесяти, а может, и все семьдесят, дружно укоренились в чужой земле. Вот так в украинской деревне Хуторок отец Клыча разбил сад на огромной площади, занимавшей не меньше трех-четырех гектаров. Люди просто рты раскрывали от удивления. В том саду росли самые разные фруктовые деревья. Прослышав о том, что один из ссыльных из Туркменистана по имени Непес посадил в этих краях невиданный сад, посмотреть на него из соседнего села прибыл пожилой человек по имени Варшак. Он тоже был переселенцем и принадлежал к семье, сосланной сюда из Калмыкии. «Брат, каким же благородным делом ты занимаешься здесь! Я привезу тебе несколько отборных калмыцких яблонек. Увидишь плоды, и душа возликует. Ты их тоже высади в своем саду. Будешь иногда вспоминать меня и говорить: «Вот эти яблоньки подарил мне некто по имени Варшак», мне этого будет достаточно. Пусть мои саженцы станут вкладом в твою большую работу». Через несколько дней после этого разговора он сдержал

свое слово. Яблоки, привезенные дядей Варшаком, были крупными и очень красивыми. Один бочок у них был красным, а другой — светло-желтого цвета. А какими же они были вкусными, просто таяли во рту! Но самое главное, они были украшением сада, в котором так звонко пели соловьи! Иногда Непес ага гладил по голове младшего сына Клыча и тяжело вздыхал:

— Эх, сынок, как же я мечтал вот в таком прекрасном саду раскинуть большой шатер и устроить для тебя суннет-той — дать праздничный обед после того, как тебе будет сделано обрезание. Похоже, мечте моей не суждено сбыться, она умрет в моем сердце.

Сказав это, он долго сидел с опущенной головой. Думал. К тому времени Клыч уже был подростком лет тринадцати-четырнадцати, но обрезание ему не было сделано. Как ни переживал Непес ага, что не смог выполнить предписания Пророка Мухаммеда, что оказался без вины виноватым и перед Аллахом, и перед сыном, поделать ничего не мог. Если кто-то прослышит, что он сделал сыну обрезание, его самого могут снова посадить. Да и как скроешь такое? Не зря же говорят: в доме, где есть дети, воровства не утаишь. Ну, допустим, как-то скрыть сам факт обрезания удастся, а куда спрятаться от так называемых медицинских осмотров? Под предлогом того, что от переселенцев из Средней Азии

может вспыхнуть эпидемия опасных инфекционных болезней, таких, как брюшной тиф, коклюш, здесь один раз в месяц их отправляли к

докторам на осмотр. Когда они только приехали в эти края, несколько человек умерли, врачи дали заключение, что у них найдены признаки названных болезней. После этого стали проводить тщательный осмотр всего тела и результаты его заносить в медицинскую карту. Попробуй после этого сделать ребенку суннет — обрезание!

Однажды Непес не выдержал и пошел к председателю сельсовета, чтобы поговорить с ним.

— У нас такой обычай — подросшим мальчикам делать обрезание. Пал Палыч, как ты смотришь на то, чтобы мы соблюли этой обычай?

От страха бедный председатель сельсовета чуть не лишился дара речи, его тонкие усики затрепетали.
— Похоже, тебе хочется нацепить на себя ярлык «врага народа» и на собственных ногах отправиться туда, откуда нет возврата! — Голос его стал тише. — Я ценю твое трудолюбие и честность, Непес. Только не делай того, о чем ты сейчас сказал. Мало того, что ты сам пострадаешь, так и нас подведешь. Вот пройдет время, вы вернетесь на свою родину, там и делайте, что хотите, хоть тайком, хоть открыто. Здесь живите, как все.
Непес ага понял, что председатель, добрый по своей сути человек, говорил об этом не по своей воле. Он дышал воздухом того времени и дудел в его дуду, боялся оказаться противником тогдашней политики. И от этого Непесу ага стало еще тяжелее. «Я выполнил свой долг перед тремя сыновьями, сделал им обрезание, так неужели мне придется покинуть этот мир, оставив младшего сына без Божьего благословения? В таком случае я точно уйду на тот свет с открытыми глазами». Эти мысли не оставляли Непеса ага ни днем, ни ночью.
«Вы теперь оправданы, доказали, что честным трудом будете верно служить новому социалистическому строю. Вот ваши документы. Как только пожелаете, можете в любое время сесть на поезд и ехать к себе домой. Доедете до Баку, а оттуда на пароме пересечете Каспий. Такой маршрут указан в ваших сопроводительных документах. Счастливого пути!»
Обвиненные в кулачестве семьи ждали этого сообщения ровно двенадцать лет. В своем саду Непес ага устроил худайелы — жертвенный обед. Правда, об этом знали только члены семей, получивших разрешение вернуться на родину. Для всех остальных это было приглашение на праздничный обед по случаю отъезда Непеса ага. «Всемилостивый Аллах, если нам когда-нибудь посчастливится живыми отправиться на родину, в тот день я принесу в жертву двух баранов». Эти слова, произнесенные в день приезда на чужбину, слышали его жена Агагуль и старший сын Галкан. Не приведи Господь сказать, что ты даешь обед из жертвенного ягненка, кто может гарантировать, что после
этого ты останешься в живых? Сегодняшнее шумное застолье — это исполнение данного двенадцать лет назад обещания.

«Вот вернусь домой и устрою большой суннет-той для Клыча, а народ позову на обед под предлогом празднования благополучного возвращения на родную землю. Выложу все, что у меня есть, можно и бахши пригласить. Помилуй, Аллах, и дай мне такое счастье!..» Мысленно проговорив свое желание, Непес ага посмотрел на Клыча, который носился между столами и обслуживал гостей. «Неужели моему сынку, которому уже исполнилось семнадцать, в первую брачную ночь суждено лечь в супружеское ложе не мусульманином? Ох, как я боюсь этого, поэтому и не спешу женить, а вдруг и там этот обряд под запретом?» Эти мысли так расстроили человека, прожившего на свете ровно шесть десятков лет, что он готов был зарыдать в голос и броситься бежать, куда глаза глядят. Непес ага потер повлажневшие глаза и с трудом взял себя в руки.

Говорят, два переезда — один разбой. Они взяли с собой в дорогу только необходимую одежду, да немного лепешек и жареного мяса — каурмы. Все остальное, что было нажито за эти годы, они оставили. Правда, впопыхах кое-что из имущества удалось продать желающим за копейки, а не то и это пришлось бы бросить. Они были согласны жить впроголодь и ходить в лохмотьях, лишь бы обитать у себя дома. «Нам бы только добраться до места и грудью припасть к родной земле, а после можно без сожаленья глаза закрывать». Только об этом днем и ночью мечтали все, кто волею жестокой судьбы оказался на чужбине. За день до отъезда ссыльных было устроено собрание, на котором им объяснили, как следует ехать, как вести себя в дороге, как, приехав на место, разместиться. На этом собрании представитель райкома наградил Непеса Овез оглы наручными часами как самого трудолюбивого, честного и добропорядочного человека, а кроме того, вручил ему приличную сумму денег. Обняв Непеса и пожимая ему руку, он сказал: «Эта небольшая сумма денег — ничто по сравнению с урожаем, который дает выращенный тобою сад. Ты показал украинцам, как туркмены умеют работать. Спасибо тебе. Об этом же мы написали и в выданной тебе характеристике. Когда вернешься домой, тебе обязательно предоставят хорошую работу. Счастливого тебе пути! Такие труженики, как ты, нигде не пропадут».

Добрые слова в его адрес и уважение, с которым они были высказаны на чужой земле, среди чужих людей, взволновали и до слез тронули Непеса ага. Он молча моргал мокрыми глазами, да время от времени тряс головой, в которой вертелись одни и те же мысли: «Эх, мы ведь и раньше ни в чем не были виноваты. И богатства, принадлежавшие нам, также были заработаны потом и кровью, неустанным трудом. Что-то я слабеть стал, да и сердце пошаливает. А какое сердце может выдержать такое насилие, когда человека срывают с насиженных мест и, оторвав от корней, гонят в неведомые края. Но ты ничего не можешь изменить, только смириться со своей горькой судьбой».

… Еще в ушах продолжал звучать мерный стук колес поезда, когда они едва успели погрузиться на паром. Сердца бешено стучали, казалось, они вот-вот выпрыгнут из груди, в глазах не было ни капли сна. Всем хотелось как можно скорее попасть на родину и увидеть родные лица.

— Посмотришь наверх, там синь бездонного неба, а внизу сплошная вода. Когда же мы ступим на сушу7

Эти слова обычно спокойный и уравновешенный Непес ага произнес на третий день морского пути. Сердце Агагуль защемило от дурного предчувствия.

— Отец, потерпи еще немного и вспомни поговорку: «Умирает не голодный, умирает нетерпеливый». Не беспокойся, совсем скоро мы доберемся до места.

Предчувствие не обмануло мать Клыча. Как только паром причалил к берегу, и они сошли на землю, состояние Непеса ага резко ухудшилось. Поначалу он изо всех сил крепился, старался не подавать виду, но крупные бисеринки пота, покрывшие его бледное лицо и катившиеся вниз с морщинистого лба, говорили лучше слов. Непесу ага было плохо. Он вдруг резко опустился на землю и схватился рукой за левую сторону груди. «Меня что-то подташнивает»,- едва слышно произнес Непес ага. Клыч куда-то сбегал и принес кружку ледяной воды.

— Папа, выпей этой воды, тебе станет легче, наверно, тошноту у тебя вызвала теплая вода, которую приходилось пить на пароме.

Однако состояние Непеса ага не улучшалось. Почуяв неладное, он призвал к себе жену и сыновей. А собравшимся вокруг него

заплаканным ребятишкам ласково сказал: «Вы идите, поиграйте немного в сторонке».
— Да, уж, не судьба мне быть похороненным на родном кладбище. Но хорошо хотя бы то, что прах мой не останется на чужбине. Я готов лечь в родную землю в любом ее уголке. Не устраивайте паники, внимательно выслушайте меня. В этих краях есть большое кладбище, называется оно Гозли ата. Когда я умру, похороните меня там. А деньги, которыми меня премировали напоследок, похоже, пригодятся для проводов меня в последний путь. А ведь я собирался на эти деньги,- Непес ага всхлипнул,- провести для своего младшего сыночка Клыча обряд суннета. Похоже, бог посчитал меня недостойным такого счастья. — Бессильной рукой он сжал плечо стоявшего рядом с ним Клыча. — Сынок, хоть и стыдно мне, все же я скажу. От страха перед нынешней
властью, перед ее политикой, я не исполнил предписанный всем мусульманам долг перед Всевышним. Ты прости меня за это.
Слова отца расстроили Клыча, он не знал, как вести себя, что говорить. Влажными ладонями отер пот с лица отца.
— Папа, ты еще поживешь. Не оставишь же ты нас сиротами!
Слезы градом катились из красивых больших глаз юноши. Отвернув лицо в сторону и, прикусив нижнюю губу, Клыч обнял голову отца.
— Пока ты не пройдешь обряд суннета, я не смогу лечь, буду сидеть в своей могиле, сынок…
Это были последние слова, произнесенные Непесом ага.
Упав на могилу отца, Клыч захлебывался в рыданиях. Он никак не мог принять неожиданной смерти отца, не был готов к ней. Но больше всего он расстраивался из-за того, что отцу не удалось выполнить свой долг перед сыном, сделать его мусульманином. Отец ушел из жизни с открытыми глазами, в них застыл вопрос: «Что же теперь будет, какое еще испытание приготовила судьба?» Мать пыталась закрыть ему глаза, опускала веки, но они все равно открывались. Не смогли закрыть глаза отцу и старшие братья. Самым последним к покойному подсел Клыч, плача, он коснулся дрожащими пальцами толстых век отца, и глаза Непеса ага закрылись. Это произвело на юношу особенно тяжелое впечатление. Он долго не мог успокоиться.

Как ни тяжело было семье оставлять отца вдали от дома, надо было двигаться дальше.
Поставив глинобитную мазанку, сложенную наполовину из веток и соломы, Клыч поселился в ней вместе с матерью. Он не находил себе места. С трудом вытерпел до того дня, когда состоялись отцовские сороковины. На следующий день на рассвете он отправился в Бяшгала. Окольными путями да осторожными расспросами узнал, что в той стороне живет известный знахарь по имени Ширли уста. Убедившись в том, что этот человек тайком делает мальчикам обрезание, Клыч решился. «Мне не остается ничего другого, как самому перерезать свою пуповину, иначе превращусь в маменькиного сыночка. Конечно, узнав, что я до сих пор не прошел обряд суннета, никто из односельчан не станет смеяться. Зато найдутся те, кто, поплевав за ворот, не скроет своего удивления: «Господи, помилуй, оказывается, Непес ага ушел из жизни, совершив непростительный грех перед младшим сыном». И как же объяснить этим злоязыким людям, сколько страданий вынес отец из-за этого на чужбине? Не зря ведь говорят: на каждый роток не накинешь платок. Поэтому я поступлю по принципу: пусть собака никого не видит и не лает. Уйду подальше от глаз и языков знакомых и сам решу свою проблему».
Юноша шел, прокручивая в голове эти мысли. Спустя два дня Клыч стоял у порога Ширли уста. Он чувствовал себя неловко. «Как же я скажу ему о своей проблеме? А вдруг он откажется помочь мне, скажет, что я уже перерос тот возраст, когда мальчикам делают обрезание? Скажет, что не сможет взять на себя такую ответственность? Я вот что скажу ему: «Уста ага, тогда ты своим ножом перережь мне глотку, и если вскрикну от боли, я не сын своему отцу. Мне лучше умереть, чем всю жизнь ходить виноватым и бояться смотреть людям в глаза».
Даже когда они уже поели и выпили чаю, Ширли уста не спросил у Клыча, что привело юношу в его дом. Пришлось Клычу самому обо всем рассказать, хотя он очень волновался и не мог унять дрожь в теле.
— А-а, так ты сын того самого Непеса ага, да будет ему спутником его вера. Пару раз мне доводилось бывать в ваших

краях, и твой отец потчевал меня хлебом-солью. Очень хлебосольным он был человеком. Но что делать, если на твою голову обрушиваются несчастья, приходится терпеть. Честно говоря, если бы ты был чьим-то другим сыном, вряд ли я взялся бы выполнить такую просьбу. Но я просто обязан ответить на хлеб-соль твоего отца, поэтому, как бы ни было трудно, я помогу тебе. Иногда местные власти стучатся в мои двери, пытаются выяснить, делаю ли я обрезание, хотят обвинить меня. А уж если про тебя узнают, мне не сносить головы. Ладно, посмотрим, что тебе на роду написано. Пойдем, пока солнце еще греет, приступим к работе.

Клыч не мог понять, зачем им надо было выходить во двор. «Боже, неужели этот седобородый старик хочет средь бела дня, на виду у всего честного народа спустить с меня штаны и сесть мне на живот? Я-то шел сюда, чтобы об этом не узнали не только люди, но даже собаки и птицы, а он…»

— Возьми эту лестницу и отнеси ее в сарай!

Клыч послушно выполнил поручение.

— Возьми и вон ту веревку, она новенькая, я вчера ее сплел из козьей шерсти.

Клыч положил перед стариком большой моток веревки.

— Ложись на эту лестницу, Клыч, милый. Я крепко привяжу к ней твои руку и ноги. Знаешь, не всякий может терпеть боль, а нож-то острый. Каким бы терпеливым ты ни был, можешь нечаянно дернуться. Это место у человека самое нежное, чувствительное. Ты можешь вскрикнуть от боли, а у меня дрогнет рука, и нож нанесет рану совсем не в том месте, и я на старости лет опозорюсь. Не стану скрывать, сложно резать уплотнившуюся ткань. Так ты уже лежишь? Ну, с Богом! Я, бисмилла…

То ли у Ширли уста рука оказалась легкой, то ли Клычу так повезло. Обработанная золой от черной кошмы и черным налетом от котла, рана быстро затянулась. Клыч два дня прятался от посторонних глаз в кибитке рядом с мазанкой мастера, после чего испросил разрешения отправиться в обратный путь. Еще раз смотрев свою работу, знахарь осторожно снял черные повязки, смазал рану перекаленным хлопковым маслом, наказал Клычу долго пешком не идти и пожелал ему счастливого пути.

В ту пору юноше, на лице которого вдруг появился живой румянец и выражение счастья, шел восемнадцатый год. А через год Клыч женился. Один за другим на свет появились шесть сыновей и три дочери, с рождением которых постепенно расстраивалась их небольшая мазанка, а в дом прибывало благополучие. А затем у него и его жены Товшан один за другим пошли внуки. Так росло и распускало во все стороны ветви древо жизни Клыча.

* * *

Для внука от младшего сына Арслана Клыч ага закатил огромный суннет-той. Правда, выражение «суннет-той» было как-то непривычно для слуха. А все потому, что вот уже много лет никто не получал приглашений на суннет-той. Но когда было дано разрешение на открытое совершение такого обряда, Клыч ага первым не только в Акгала, но и во всей округе устроил такой праздник – настоящий суннет-той.

– Организовав конные бега, козлиные бои, всевозможные национальные игры, в том числе яглыга товусмак – прыжки за платком, национальную борьбу гореш, дав такой большой обед, ты хотел как-то выделиться?- подкалывали его некоторые из односельчан.

– Да вот, решил устроить большой праздник, чтобы отдать людям все свои старые долги.

Истинный смысл этого его ответа поняли только два его сверстника – Агабай ага и Гулгельды ага. Hekaýalar